

Читайте в серии
«Бестселлеры турецкой романтики»:

«Полярная звезда»

«Пылающая звезда»

«Путеводная звезда»

Продолжение следует...

Мехтап Фырат

Путеводная
звезда

Freedom

МОСКВА
2024

УДК 821.512.161-31
ББК 84(5Туц)-44
Ф97

Mehtap Firat
KUTUP YILDIZI VOL. 3

Copyright © 2019 by Mehtap Firat

Иллюстрация на обложке LIRAIN

Художественное оформление *Анастасии Грищенко*

Фырат, Мехтап.

Ф97 Путеводная звезда / Мехтап Фырат ; [перевод с турецкого Д. Шевцовой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с. — (Freedom. Бестселлеры турецкой романтики).

ISBN 978-5-04-179845-1

Настоящая любовь постучалась в двери, когда Ниса открыла свою душу и начала исследовать ее глубины. Девушка почувствовала, как трепещет ее сердце, как оно меняется...

В свой день рождения Ниса узнает о предательстве лучшей подруги, а также шокирующие подробности о семье Демира. Сердце девушки разбито, но ей придется сохранить услышанное в тайне и понять, как вернуть возлюбленного.

Какой же путь ждет Нису дальше? Откроет ли она свое сердце, оставив боль позади, или же горькая правда станет тяжелым бременем и заставит девушку оступиться, выбрав неправильный путь?

УДК 821.512.161-31
ББК 84(5Туц)-44

© Шевцова Д., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-179845-1

ПРОЛОГ

— Я начал знакомиться с семьей без осуждения, без гнева и злости. Иначе я никогда не смог бы смириться с потерей и болью всех этих лет, не смог бы пережить обиду, которая была со мной все эти годы. И вот что сделал отец: взял меня под руку и рассказал мне все как мужчина.

Через несколько секунд после этого Мустафа взглянул на меня краем глаза и швырнул камушек в море. Он достал из кармана пачку сигарет и зажал одну губами.

Вздыхнув, как человек, у которого много забот, он положил руки на ремень. Встал прямо передо мной, и его глаза остекленели. На самом деле у Мустафы был очень ранимый, глубокий, печальный взгляд. Это было только начало его истории. Но я не знала, готова ли услышать то, что он собирался мне рассказать.

— Мои мама и папа очень любили друг друга. На самом деле, они любили друг друга так сильно, что вскоре после их знакомства на свет появился я. Позже моя мама снова забеременела. Родители с волнением ждали второго ребенка. Хотя он и был незапланированным, но они были очень счастливы. А потом...

Он сглотнул и замолчал на некоторое время, не в силах продолжать. Слова, возможно, с трудом срывались с его губ, но я уже понимала его. Случилось что-то плохое. Очень плохое...

— У мамы появились проблемы со здоровьем, потому что ее молодое тело было слишком слабым, чтобы так быстро снова рожать. На третьем месяце беременности врачи начали беспокоиться. Они неоднократно предлагали ей сделать аборт и предупреждали, что беременность очень рискованная, что мама может потерять матку, ей может даже грозить смерть, и тогда придется выбирать между жизнью ребенка и матери, но она отказалась. Сердце матери так сильно болело: как она могла отказаться от своего ребенка? В итоге мама решила оставить ребенка и настояла на родах. Это были мучительные семь месяцев. В то время мой отец работал кем-то вроде адвоката у господина Суата Гюрсоя, в подчинении у него. Господин Суат очень любил моего отца: он защищал и заботился о нем, пока однажды мой отец не связался не с теми парнями...

Я слушала его, не произнося ни звука.

Мустафа продолжал рассказывать, прищурившись, а его взгляд потемнел. Это было нехорошим знаком.

Сердце не выдерживает, разум не может смириться.

Очевидно, произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Несмотря на предупреждения и настойчивые просьбы господина Суата, он попал в беду. Мой отец из тех, кто никогда не слушал других людей. Не стоило ему связываться с этими парнями. Он взялся за дело, в котором должен был выиграть, но в итоге проиграл и навлек на себя гнев этих людей. В конце концов его обвинили и посадили в тюрьму. Более того, он лишился лицензии и не мог больше работать.

На лице Мустафы появилась язвительная улыбка, словно он внутренне проклинал отца за совершенную им ошибку. Возможно, он был обижен больше, чем я думала, но, несмотря на все переживания, не был сломлен и был рад тому, что нашел отца.

Может быть, я завидовала. *Завидовала тому, что он оставался таким сильным, несмотря на то, через что прошел. Это точно была зависть.*

Я молчала, потому что знала, что это еще не конец истории. Чем больше он рассказывал, тем сильнее сжималось сердце, будто кто-то схватил меня за горло.

Мне казалось, что я причиняю ему боль. Может быть, Мустафа не понимал, но на самом деле на моих плечах лежала очень тяжелая ноша от того, что он делился со мной этим.

— Ты знаешь, что такое беда: она никогда не приходит вовремя, она никогда не приходит одна. Это случилось неожиданно. Через несколько недель после того, как мой отец попал в тюрьму, у моей мамы начались преждевременные роды. В тот момент, когда она укладывала меня спать. Наш малыш еще не был готов к появлению на свет: срок был слишком маленький, а мамино здоровье оставляло желать лучшего. И вот тут-то все и случилось.

Глаза Мустафы налились кровью, он быстро потер лицо, как будто не хотел этого показывать, бросил окурок сигареты на пол и потушил его ботинком. Когда я посмотрела на его лицо, то увидела, как мучительно ему было говорить о тех днях.

Я почувствовала ком в горле. Глубокое, болезненное прошлое загнало его в такое состояние, в каком я никогда его раньше не видела. И все же, особенно в моем присутствии, если нужно, ему следовало проглотить свою гордость и просто заплакать.

Для меня было большой честью быть для него плечом, на которое он мог опереться, потому что я всегда считала себя счастливой оттого, что у меня такой сильный друг.

— В то время и Гюрсои, и мы жили рядом на анатолийской стороне Стамбула. Суат Гюрсой очень любил моего отца, а Мельтем Гюрсой так же сильно любила мою маму. Она была с ней в то тяжелое время. Не имея никого, даже отца, моя мама впала в отчаяние. Она дозвонилась до Мельтема Гюрсой и с ее помощью была госпитализирована. Госпожа Гюрсой не только отвезла мою маму в больницу, где работала, но и сама делала операцию, однако, несмотря на все ее усилия,

мою маму спасти не удалось. Я думаю, она не специально, но в любом случае... Она спасла ребенка. Но для мамы было уже слишком поздно. Ее судьбой было пожертвовать своей жизнью ради маленького сына.

Я не могла остановить слезы, стекающие по моим щекам, и Мустафа тоже плакал вместе со мной.

Хватит ли у меня сил слушать дальше? Смогу ли я вынести весь этот рассказ о том, через что он прошел? Осмелюсь ли я услышать о том болезненном прошлом?

Я не была уверена.

— После смерти матери мой отец долгое время провел в тюрьме. Его приговорили к пожизненному заключению. Полиция и Центр защиты детей вмешались и забрали меня из города и от отца в наш детский дом. Судьба брата была иной. Некоторое время он жил в инкубаторе, потому что родился недоношенным. Во время пребывания в больнице Мельтем Гюрсой находилась рядом с ним. Мой папа сказал, что ребенок быстро окреп, и когда пришло время выписывать брата из больницы, отец с Гюрсой заключили сделку. Господин Суат был совестливым человеком. У него были ресурсы, чтобы вытащить отца из тюрьмы, но взамен он попросил ребенка. Такое было условие: если он освободит моего отца из тюрьмы, ребенок останется у них. Они с женой хотели усыновить моего брата. Мельтем Гюрсой сама была гинекологом, но, к сожалению, она не могла иметь детей. Она была бесплодна. В семье Гюрсов такое положение вещей не одобрялось. Это была судьба, и она забирает с одной стороны и отдает с другой. Кто может противиться?

Никто из нас не может противостоять своей судьбе, даже самые сильные. Мы не могли ее предугадать, и я это прекрасно понимала. Но как могло произойти столько совпадений. Возможно ли? Для меня это было непостижимо.

Я жила на одной улице с братом Мустафы уже несколько месяцев. Молодой человек, который заставлял мое сердце биться чаще, и молодой человек, который был рядом со мной годами, ко-

торый делил со мной каждую боль, который был мне как брат. Что это была за судьба?

— По его словам, мой отец долго думал над этим вариантом. Он сказал, что на чаше весов на одном конце была его собственная жизнь, а на другом — нечто большее: последнее воспоминание об умершей жене, которую он любил. Разумеется, пока все это происходило, никто даже не вспоминал обо мне. Отец рассказал, что Суат и Мельтем Гюрсой сказали ему, что меня отдали в приют. В то время это не так волновало его. По-моему, звучит не очень убедительно. И я не мог ничего сказать против этого отцу. Тогда на чаше весов была его собственная жизнь и жизнь его маленького сына. И он принял их предложение и отдал им единственное, что осталось от его жены. Прошли годы, и я ничего не знал о своем брате. Я вырос в сиротском приюте. Мой брат рос в совершенно других условиях. Благодаря Суату Гюрсою отец получил меньший срок, а когда он закончился, его выпустили из тюрьмы. Он освободился и начал новую жизнь без своих детей. Так он планировал, пока я не испортил его планы.

Впервые с тех пор, как он заговорил, я увидела, что он улыбается, нет, даже не улыбается — усмехается. Он просто смеялся надо мной. Как он мог говорить, что его появление в жизни отца спутало тому все планы? Мустафа тяжело вздохнул и снова посмотрел на меня.

— Помнишь, когда я был в детском доме, кто-то постоянно присылал деньги, как говорили — от государства. В детстве я не понимал, откуда они берутся. Но за несколько недель до последнего Нового года, который мы провели вместе, я все понял.

За время пребывания в детском доме Мустафа постоянно испытывал тяготы. Ему была положена некоторая сумма денег. Госпожа Севда сказала, что их выделило государство. Она пыталась отложить их для него. Мустафа был близок с нами и никогда не стеснялся делиться с нами такими подробностями.

Мы знали. На самом деле, в то время наш умный приятель много шутил и даже какое-то время ходил и говорил: «У меня есть тайные поклонницы».

Казалось, что последний Новый год мы встретили буквально вчера. Тогда он воспользовался моей минутной рассеянностью, и я на это согласилась. Мне не хотелось с ним спорить, и тогда Мустафа тайно украсил для нас мансарду. И если бы это зависело от меня, я бы никогда ее не покидала. Как прекрасна была та ночь. *Это было так реально. Вдали от всей этой фальши. Мы были счастливы в нашем мире. Но теперь... Теперь все говорит мне о том, что я попала в абсолютно неподходящие для меня условия.*

— Оказалось, что именно Суат Гюрсой продолжал переводить деньги на мой счет. Видимо, они каким-то образом помнили обо мне и старались заботиться, как могли. Господин Суат защитил меня, позаботился о моем брате и спас моего отца. Потом он переехал с семьей сюда, в Ялову. Вот и вся история, подружка.

Когда Мустафа замолчал, его взгляд был полон грусти. Я поняла, что мы подошли к концу истории. После его рассказа волны показались мне еще темнее. Все было таким гнетущим. Я сказала себе, что мне нужно немного времени, чтобы это переварить.

Представьте себе историю о двух родных братьях с израненными сердцами, ничего не знающих друг о друге. Один из них окажется в четырех стенах, борясь за место под солнцем. Другой — в совершенно ином мире, в совершенно иной среде. Один научился жить с тем, что у него было, другой был воспитан и избалован. Один стал жертвой борьбы, испытал на себе, что такое лишения, а другой даже не знал этих слов. Один привык бить первым, а другой научился все решать словами. Но оказалось, что эти два разных маленьких сердца были неразрывно связаны. Именно кровные узы скрепили их. Оказывается, это были плодовые почки, распутившиеся на двух разных ветвях одного и того же дерева.

ГЛАВА 1

Всякий раз, когда Демир упоминается в наших разговорах, Мустафа защищает его от меня. Каждый раз, так или иначе, своими словами он дает понять, что заботится о нем, и открыто заявляет о своей стороне. При этом он всем своим видом демонстрирует холодность к Огузу. Он даже объяснил, почему так себя ведет. Теперь понятно, что кровные связи действительно сильны. *Он глубоко страдал...*

На самом деле, если сравнить этих двоих, то, возможно, они имеют много схожих черт. И не только эмоционально, но и физически. Они даже внешне были похожи. У Мустафы тоже были светло-каштановые волосы, но цвет его глаз не был похож на цвет глаз Демира, у того были темно-карие. Они похоже смеются. А еще эти морщинки-лучики в уголках глаз, когда они улыбаются, отчего мое сердце сжимается. Мустафа редко улыбался, но всегда искренне. Он был немного ниже Демира ростом. Но это не меняло того факта, что он был выше меня.

Главной его чертой было достоинство: Мустафа был зрелым молодым человеком, который точно знал, что делает. И так было всегда.

Я до сих пор не знаю, как реагировать на то, что услышала. Я даже не знаю, стоит ли мне вообще как-то реагировать. Единственное, в чем уверена, — это то, что я не была готова к такому грузу на своих плечах и теперь вынуждена хранить чужую тайну. Мустафа поделился своей историей без колебаний, и теперь я несу ответственность.

Я действительно не знала, что делать.

— Мустафа... — я прошептала его имя невольно.

Я не была уверена, что он меня услышал.

— Это... Это огромное совпадение. Я действительно не знаю, что сказать. Правда не знаю.

В ответ на мои неуверенные фразы Мустафа встал прямо передо мной и улыбнулся со всей искренностью, но я знала, что под этой легкой улыбкой скрывается большая печаль.

Я убрала волосы, упавшие на глаза, за ухо, и он нежно погладил меня по щеке.

— Нет, вредина. Это не совпадение. Совпадений не бывает. Мы все живем так, как нам суждено. Жизнь подбрасывает нам то, что мы меньше всего ожидаем, и оставляет нас один на один с правдой, которой мы боимся посмотреть в лицо. Кто знает? Может быть, есть что-то, что мы еще не готовы принимать, и семья появляется у нас самым необычным образом.

Хотя меня поразили его слова, я втайне желала, чтобы этого не произошло. Я не хотела спорить с Мустафой или опровергать его тезисы. Он был прав, мы все жили своей судьбой и предназначением, и теперь, когда у меня появилась такая замечательная приемная семья, я бы не хотела, чтобы что-то подобное вышло наружу и разрушило мою жизнь. Конечно, когда-нибудь я хотела бы узнать, как поживают мои родные, и поблагодарить их. Я бы обязательно попросила их объяснить, почему они так поступили со мной, но не сейчас. У меня не было сил разбираться с этим в дополнение к десяткам других проблем. *Что бы я делала, если бы такое случилось? Все это время со мной обращались как с родной дочерью. Как бы я смотрела в глаза тете Эсме и дяде Девриму? Осмелилась бы я?*

— Боже упаси. Я бы никогда этого не хотела. Ведь я не знаю, кто мои родители. Конечно, когда-нибудь я бы хотела это узнать, но не сейчас. Я не готова, — сказала я Мустафе то, что было у меня на сердце.

Улыбка на его лице стала еще шире. Он как будто ждал с моей стороны такой реакции.

— Кто знает обо всем? Я имею в виду, кто знает, что Демир на самом деле твой брат?

Видимо, Мустафе так надоело стоять, что он, обойдя меня, сел на лавочку, жестом указывая на другой конец скамьи.

— Только Суат Гюрсой и Мельтем Гюрсой.

Мои глаза расширились от его ответа. Мне показалось, что мои легкие не выдержат того вздоха, который я сделала, открыв глаза. Я не удивилась, что они скрывают правду. Это же тетя Мельтем. То, как сильно она любила Демира, давало понять, что она собственница, но скрывать такой важный факт... Это было так несправедливо! Демир имел право знать все, и к тому же он уже знал, что его усыновили.

— Это несправедливо. Это так несправедливо. Демира же усыновили. Он знает. Почему бы тебе просто не сказать ему правду? Я уверена, он захочет знать.

Я на мгновение поставила себя на место Демира. Независимо от того, живет ли он сейчас в другой семье или нет, если его настоящая семья так близка, стоит узнать о ней. Он имел на это право. От правды не убежать, как сказал Мустафа, правда однажды настигнет тебя и просто свалится на голову. Вопрос только в том, как скоро и насколько будет поздно.

— Почему мы должны говорить ему правду, Ниса? Разве не ты говорила, что у него есть своя жизнь, дом и окружение. И, возможно, у него свои планы на все это. Ему не нужны лишние переживания. Как мы можем взять и сказать ему правду, которая перевернет всю его жизнь? Это был бы настоящий эгоизм.

Когда я смотрю на все это с точки зрения Мустафы, я понимаю, что он снова прав, и не могу возразить. Я не хочу хранить этот секрет, но и не хочу сталкиваться с последствиями, когда однажды все всплывет наружу. Демир рано или поздно

узнает, и, возможно, тогда это станет для него еще большим ударом.

— Разве он не должен знать? — настаивала я. Мустафа усмехнулся, приподняв одну бровь, а затем взял меня за плечи и подвинул на другой конец скамейки.

— Может быть, когда-нибудь, когда ты станешь старше, ты поймешь, почему я не хочу ему ничего говорить.

Мустафа и Демир были братьями. С тех пор как я узнала об этом, я постоянно представляла их рядом, и мое сердце начинало сильнее стучать. Я чувствовала странную радость, хотелось, чтоб они встретились и обо всем поговорили. И я с нетерпением буду ждать того дня, когда они это сделают. Даже если это не случится сейчас.

В голове всплыл факт, о котором я никогда раньше не задумывалась. Я снова развернулась к Мустафе.

— Погоди-ка... Если бы тетя Мельтем не усыновила Демира, он бы рос в том же детском доме, что и мы?

Мой тон выдавал мой энтузиазм, совершенно не скрывая мое волнение.

Мустафа кивнул в знак согласия.

— Есть большая вероятность.

— Я в это не верю. Мы все могли расти в одном детском доме. Вы еще с детства могли быть вместе.

Внезапно перед глазами возникла счастливая сцена из детского дома. *Мустафа, гонящийся за Сенем посреди сада, и я, гонящаяся за ним. Маленький Демир, бегающий вокруг...* Глупо улыбаясь про себя, я хотела утонуть в красоте своей мечты. Все это время судьба только откладывала мою встречу с ним. Спустя годы судьба каким-то образом привела его ко мне, но я хотела бы пережить те мгновения. Я не могла не желать, чтобы у нас был шанс жить под одной крышей.

В тот первый вечер мы пошли к ним по настоянию тети Мельтем. Я видела несколько фотографий Демира, на которых он был маленьким мальчиком. Маленький мальчик на

этих фотографиях — теперь предел моих мечтаний. Он играл, бегал из одного конца двора детского дома в другой. И он ни секунды не мог усидеть на месте. *Если бы мы встретились, когда были маленькими, понравился бы он мне или я обижалась бы на него, как на других мальчиков?*

Не знаю, заметила бы я его, но уверена, что нашла бы способ его заполучить.

Как и Мустафа, он со временем сумел завоевать мое сердце. Хотя мы уже пропустили возможность вырасти вместе, и некоторые вещи, к сожалению, не изменить...

Когда Мустафа спросил: «Ты снова мечтаешь, да?», — я склонила голову в смущении от того, что выдала себя, но он не смотрел на меня. Я уже знала, что такого не произойдет.

Разделить детство было подобно неповторимой мелодии, поднимающейся из глубин. Мелодия, окружающая меня, завладевает моим сердцем, чувством, которое я испытываю к Демиру. Она затронула меня в более глубоком и сильном смысле. Музыка звучала так приятно, что мне захотелось иметь волшебную палочку, чтобы вернуться в то время и взять все в свои руки.

— Я бы хотела знать Демира в детстве — таким, как на его детских фотографиях. Он такой милый на них всех.

Мустафа как будто не совсем поверил в то, что я сказала, и посмотрел на меня, приподняв брови. И что? Я не могу?

Конечно, могу.

— Ты уверена, ворчунья? Ну, знаешь, ты сейчас хвалишь того, на кого недавно ругалась последними словами.

Я вспомнила о своей безрассудности, которую только что проявила, и по мне разлилось огромное тепло. Теперь я поняла, что действительно покраснела. И солнце тут ни при чем. Молодец, Ниса. Ты вслух назвала его брата засранцем, молодец.

— О, Мустафа! Я не в своем уме. Слушай, я не хотела так говорить о твоём брате.